

РЕЦЕНЗИЯ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ.

О.В. Кириченко

Рецензия на монографию М.В. Лескинен

«Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности». Век XIX. М.: «Индрик», 2016. – 680 с.¹

Монография *Марии Войттовны Лескинен* является собой образец постмодернистского конструкта, который выдается за реконструированную автором модель русскости, созданную деятельностью российских (русских) интеллектуалов XIX в. — ученых, политиков, деятелей художественной сферы. Автор тщательно скрывает свое присутствие в тексте, как определяющего лица — конструктивиста — и старается показать, что она лишь фиксирует объективный процесс, авторами которого были лишь современники XIX века. Тем не менее, как мы постараемся показать, 1) сама конструктивистская методология по отношению к имперской России XIX в. является ошибочной; волюнтаристской, не отвечающей характеру исследуемого материала; 2) автор тенденциозно проводит отбор необходимого материала, ставя перед собой идейную цель а) развенчать миф о русском народе, как «народе-богоносце» (миф Ф.М. Достоевского); б) миф о народе с уникальной, образцовой этничностью, на самом же деле — народе без индивидуального лица, почти без этнической идентичности (включая сюда ее элементы: антропологический, социальный, религиозный, культурный, языковой); в) миф о народе-просветителе и культуреггере, претендующем на государственную и культуuroобразующую роль в России; 3) также, автор пользуется отвергнутыми современной наукой методами, позволяющими оценивать целый народ с позиции нравственных критериев добра и зла, считать его в чем-то неполноценным, безнравственным, давать ему обобщающие оценки. Причем сама автор пишет об этом: «современная наука отвергает в качестве объективных антропо-

логических критериев расы, а именно: черты этнического темперамента, характера, умственные и нравственные свойства, тип духовной и политической эволюции и уровень сложности языка»². И тем не менее, именно на этом материале (главы 4 и 5, центральные для автора) строится вся доказательная база с резкими нравственными характеристиками в отношении целого народа, разоблачающая, по мнению автора мифы о русских. И хотя все негативные характеристики помещены в цитаты, но автор с ними солидарна. Об этом ясно, она говорит и в этих главах и в заключении («ведь идеи по конструированию великоруса оказались не востребованными самим объектом — теми, кого объявляли носителями “великорусскости”»³). Таким образом, приходится констатировать, что в данной работе проводится не воссоздание реальной матрицы-конструкта, существовавшей в России XIX в., а создается современная контрмодель-конструкция постмодернистского толка, имеющая цель затемнить объективную реальность (те самые мифы, которые автор «разоблачает»), которую нет возможности поколебать подлинно объективными научными методами; идет банальное сведение каких-то личных счетов с «другим народом» и научный язык оказывается лишь удобным средством для этого.

Теперь о каждом из выдвинутых выше тезисов скажем подробнее. Конструктивистская методология не всеядна. Создаваемая в послевоенной Европе, она была рассчитана на разрушение всего, что было связано с традиционной сферой, откуда по мысли ее авторов, и появился фашизм, как и его антипод коммунизм, с их тоталитарными режимами.

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

² Лескинен М.В. Указ. соч. С. 273.

³ Там же. С. 665.

Все органически целое, в том числе этносы, народы попали в поле жесткой критики, как структуры, тающие в себе потенциальную опасность. И хотя сам конструктивизм вырос из атмосферы абсурда саморазрушения европейской цивилизации (на что ясно указывали две прошедшие мировые войны, особенно последняя), как инструмент познания этого постмодернистского общества абсурда, тем не менее, очень скоро он стал использоваться в качестве универсального метода познания любой эпохи и любого общества. История стала тестироваться на лояльность индивидуализму в противовес народности и традиционности.

Мы исходим из того, что общество модерна, начиная с эпохи Ренессанса, имело свой методологический ключ познания, отличный от традиционалистского ключа. Европейский рационализм в качестве целого, объекта описания использует такие фундаментальные категории как миф и символ, с их очевидной рациональной отстраненностью от природы, материи, всего земного и небесного окоема. Миф являлся аналогом того, что в XX в. конструктивисты назовут конструктом, того целого, которое имеет внешние границы не только по отношению к себе, но и по отношению к другому. В сравнение с ним миф, по отношению к себе имеет только внутренние границы, а по отношению к другому — внешние⁴. Как видим в мифе наличествует субъективность, но характер ее относительный (она субъективна только по отношению к себе); в конструкте же субъективность отсутствует вообще, он свободен от нее⁵. Вся субъективность здесь находится у актора, манипулятора, конструктивиста. Конструкт только есть, как реальность и больше ничего. Без конструктивиста он не работает, не познаваем, в то время как миф жив, как личность сам по себе, он не зависит от историка, ученого, в общем лица познающего.

Общество модерна, каким оно было в России XIX в., безусловно, требует не конструктивистской методологии исследования. Иначе, априори, исследователь будет видеть в том целом, что он исследует конструкт, а не миф, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Субъектно мертвый мир, не имеющий возможности самому создавать органичную действительность, если не в живом, традиционном,

то хотя бы мифологизированном виде. Конструктивист говорит, что мир России XIX в. нельзя познать из него самого, из его целей, желаний и достижений, что нужно искать подлинную картину его бытия, исходя из возможностей самого конструктивиста, его таланта и умения. Он — создатель подлинной истории той эпохи. Так ставит вопрос автор рецензируемой нами книги, осуществляя насилие над реальностью, не имеющей к постмодерну никакого отношения.

Что касается тенденциозности отбора материала, то это очевидно для этнографа-профессионала, занимающегося этой эпохой. Во-первых, в качестве российской элиты, писавшей о русских, взяты имена тех людей, которых можно скорее отнести к демократической и революционной интеллигенции, для которых негативное описание народа имело политическую цель — привлечь к нему симпатии широкой публики, возгреть сердца к революции. Эту мысль можно хорошо проиллюстрировать на примере творчества Н.А. Некрасова, который занимался этим сознательно и профессионально в течение всей творческой жизни⁶. Во-вторых, сознательно опущены имена тех, кто мог бы сказать добрые и искренние слова о русских. Нет смысла приводить их здесь, их гораздо больше, чем первых. Автор опускает такие массовые источники, как фонды РГО и РЭМа, особенно в последнем фонд князя В.Н. Тенишева, не крестьяне говорят, а о крестьянах рассказывают в своих отчетных анкетах князь Тенишеву учителя, священники, агрономы и т.д. Ничего подобного тому, что автор насобирает у нескольких авторов, там нет. А ведь на основе этих отдельных цитат, делается глобальный вывод, вынесенный и в заключение: *«Нравственный его («великоруса». — О.К.) облик вырисовывается как далекий от идеала («народа-богоносца». — О.К.) великорус ленив, вороват, упрям, не очень тверд в христианских устоях веры (суеверен); некоторые свойства его нрава способствуют нарушению им моральных норм: неспособность “держать себя в руках”, контролировать проявление чувств и эмоций ведут к резким перепадам трудового ритма и как следствие — к перенапряжению, снимаемому пьянством. Однако великорус не зол, не жесток, терпеливо сносит невзгоды и*

⁴ Один из классиков французского конструктивизма Ж. Лакан говорит в «Римской лекции» о человеке, как функции, поэтому у него — «структура вместо личности». И у него и М. Фуко человек пассивен, он лишь собиратель структурных элементов в мире («систем» под именем эпистем у Фуко, или структур символов у Лакана). См. Фуко М. Лекции о воле к знанию. С приложением «Знание Эдипа». СПб.: Наука, 2016. С. 241.

⁵ Об этом ясно пишет Ж. Бодрийяр в своем главном труде «Фатальные стратегии», передавая первенство стратегии из рук субъекта в руки объекта — см.: Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: ПАНГЛОС, 2019. С. 179—187. Здесь этому вопросу посвящена отдельная глава «Объект и его судьба».

⁶ Кириченко О.В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2012. № 12. С. 3—53.

тяготы, склонен к самопожертвованию и гостеприимен. И хотя последняя группа черт находит оправдание в исторических и природных “обстоятельствах” (!), она отчетливо фиксируется прежде всего в описаниях Других»⁷.

Мысль автора очень проста: доказать неспособность русских ни к великости, ни миссионерству, ни к вере. И здесь вступает в силу один из главных авторских аргументов (это кроме надерганных у революционных демократов примеров о процветающей безнравственности среди народа) о слабом этническом тоне русских. Все из пишущих современников, кто готов видеть в них народ с четкими культурой, объявляются авторами «сторонниками официальной проправительственной точки зрения», другие же, кто не может нарисовать портрет «среднего русского», называются подлинными экспертами и на основе их высказывается делается вывод, что русских не было в реальности, что это была этнически аморфная группа, размытая иноэтничными вливаниями. Автор не стесняется писать о том, что от смешения с финской кровью русские получили свою способность к государственной культуре⁸, но при этом финны, как этнос сумели избежать негативного русского влияния на себя и сохранили свою природную (!) способность к честности⁹. Какие-то знакомые с войны нотки слышатся в этих откровенных рассуждениях «слависта» М. В. Лескинен. Автор даже использует «честность», как тестирующий элемент при характеристике населения: если в деревне не было замков и люди не боялись воров, значит, наверняка, здесь жили финны (или финно-угры)¹⁰. Проведя экспертизу мнений (а это и визуальная и вербальная информация), авторов, которых сам М. Лескинен выбирает и преподносит, Мария Войттовна с удовольствием констатирует: «уже будучи признаны государственнообразующим этносом, [великорусы] все еще не имели четких примет этой этничности»¹¹. Иными словами, государство как могло старалось, а русские не могли выполнять ту роль, которая на них возлагалась. Таков судебный вердикт автора монографии, которая с трудом сдерживает себя, чтобы не сказать что-то более резкое, но все же несколько раз не удерживается от едкой и злой иронии: «“Хождение в народ” и близкое знакомство с повседневным бытом и поведением

“народа-богоносца” вызвали жаркие споры о том, следует ли считать народ моральным или, напротив, весьма далеким от нравственных и в первую очередь христианских идеалов»¹²; «несоответствие народа-богоносца, в особенности касающееся отношения к чужой собственности... объяснялось по-разному»¹³; «Воровство, клятвопреступление, убийства, зверские избиения жен и детей, расправы с цыганами, пьянство — все это не совпадало с сусальным образом народа-богоносца»¹⁴.

Подведем итоги сказанному. Монография М. В. Лескинен хотя и опирается на научный тезаурус и отвечает критерию научности (порой даже претендующей на глубину анализа), но, по сути оказывается не воссозданием мифа о народе, который, конечно же имел место в XIX в., — времени модерна, — а созданием современного постмодернистского конструкта, имеющего цель очернить русский народ, по мысли автора не достойного претендовать на высокие звания «великий», «государственнообразующий», «ответственный за цивилизационные процессы». Автор пользуется конструктивистской методологией по отношению ко времени, где эта методология не работает, и это первое насилие над материалом. Далее, обнаруживается, что создание негативно нравственного портрета народа она перекладывает на плечи современников (тенденциозно отобранных и не прокомментированных ею, как мнения революционно настроенной интеллигенции) и на этом материале выстраивает основную часть здания своей конструкции. Для корректировки данных XIX в. автор тенденциозно использует мнения современных исследователей (допустим, совершенно игнорирует такой фундаментальный труд ИЭА РАН, как «Русские», в его многочисленных переизданиях. А там есть и современная антропология русских и их этногенез), цитирует только тех, кто поддерживает ее мысль. Подобные труды, конечно, недостойны звания ученого, какие бы степени она не имела, и как бы умно она не писала о предмете своего исследования. Остается только сожалеть, что книга прошла все стадии научной квалификационной редакции, получила гриф Института славяноведения РАН, получила государственные российские средства на издание и была издана в солидном научном издательстве «Индрик».

⁷ Лескинен М. В. Указ соч. С. 660.

⁸ Лескинен М. В. Указ. соч. С. 537.

⁹ Там же. С. 413.

¹⁰ Там же. С. 422, 482.

¹¹ Там же. С. 534.

¹² Там же. С. 417.

¹³ Там же. С. 418.

¹⁴ Там же. 420.